

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.В. Карташев

**Краткий историко-критический
очерк систематической обработки
русской церковной истории**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1903. № 6. С. 909-922.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

КРАТКІЙ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

систематической обработки русской церковной исторіи.

Изъ чтеній по исторіи русской церкви.

1. Вступленіе. — Адама Селлія „De Rossorum Hierarchia“. — „Исторія“ митр. Платона. — Труды митр. Евгенія. — „Начертаніе церковной исторіи“ еп. Иннокентія. — „Курсы исторіи русской церкви“ Штраля и А. Н. Муравьева.

КАКЪ особая дисциплина, исторія русской церкви почти всецѣло принадлежит XIX-му столѣтію. XVIII вѣкъ, съ относительнымъ успѣхомъ двинувшій разработку русской исторіи вообще, тѣмъ самымъ подготовилъ почву и для появленія церковной исторіи Россіи. Уже въ историческихъ трудахъ Татищева, Щербатова и Болтина, помимо готоваго фактическаго матеріала, было высказано не мало и общихъ взглядовъ на церковно-историческія событія. Правда, рационалистическій духъ времени такъ рѣзко сказался на этихъ воззрѣніяхъ, что въ большинствѣ случаевъ они могли сыграть развѣ только отрицательную роль антитезы для будущихъ изслѣдователей исторіи отечественной церкви. Таково, напр., у Татищева и Болтина представленіе духовенства силой враждебной просвѣщенію народа, корыстной въ отношеніи къ богатствамъ и власти и потому опасной для свѣтскаго правительства: таковъ у Болтина и Щербатова откровенно-утилитарный взглядъ на религію, какъ на орудіе государственныхъ интересовъ. Но всеми этими сужденіями гражданскихъ историковъ XVIII в. открывался рядъ важнѣйшихъ церковно-исто-

рическихъ вопросовъ, намѣчалась задача послѣдующихъ изысканій въ указанной области.

Однако изъ среды школьно-образованныхъ дѣятелей тогдашней духовной литературы не сразу явились готовые исполнители предстоявшей задачи: написанія цѣльнаго опыта русской церковной исторіи. Мысль объ этомъ долгое время была чужда представителямъ церковныхъ круговъ, потому что старая духовная школа, вполне довольствуясь формальной схоластической наукой, совсѣмъ забывала объ исторіи; послѣдняя начала по мѣстамъ входить въ школьныя программы только съ конца XVIII в. Характеренъ въ данномъ отношеніи отзывъ Св. Синода о задуманномъ въ Россійской Академіи въ 1734 г. изданіи хронографовъ. Св. Синодъ опредѣлилъ: «разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ писаны лжи явственныя... Изъ приложеннаго для анпробаціи видится, что томовъ тѣхъ исторій будетъ много, и если напечатаны будутъ, чтобъ многіе были къ покункѣ охотники, безнадежно, понеже и стиль единъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покункѣ охоту возымѣли, то, первому тому покунку учиня, до послѣдующихъ весьма не пристунять. Того ради не безопасно, дабы не пришлось казенному капиталу какова убытка» (*Пекарскій. Ист. Ак. Н., т. I, предисловіе*). Опредѣленіе возымѣло силу.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ мысль объ исторіи русской церкви въ началѣ предносилась нерусскому уму *Адама Бурхарда Селлія*, датчанина по происхожденію, съ 1734 по 1737 г. преподававшаго латинскій языкъ въ Александроневской семинаріи, а въ 1745 г. принявшаго здѣсь же въ лаврѣ православіе и іеромонашескій санъ съ именемъ Никодима († 1746 г.). Занявшись по указанію академика Байера русской исторіей, онъ приготовилъ нѣсколько сочиненій справочно-библіографическаго характера. Одно изъ нихъ, обширное и законченное, носитъ названіе: *De Rossorum Hierarchia*. Здѣсь заключаются свѣдѣнія о нашей іерархіи: о степеняхъ епископскихъ каедръ въ разныя эпохи русской исторіи, о всероссійскихъ митрополитахъ и патріархахъ, о всѣхъ епархіальныхъ епископахъ; о соборахъ русскихъ и бывшихъ въ другихъ земляхъ по дѣламъ русской церкви; о главнѣйшихъ монастыряхъ и ихъ настоятеляхъ; объ училищахъ; о святыхъ и мученикахъ. Всѣ свѣдѣнія сопровождаются ссылками на

источники. Хотя этотъ трудъ и не появлялся въ печати въ подлинномъ видѣ (оригиналъ его хранится въ москов. арх. мин. ин. д.), но онъ не потерялъ своего значенія для исторіографіи, потому что впоследствии, какъ увидимъ, цѣлкомъ вошелъ съ поправками и дополненіями въ знаменитую Евгеніевско-Амвросіевскую «Исторію російской іерархіи»¹⁾.

Прошелъ не одинъ десятокъ лѣтъ, и забота о нашей церковной исторіи возникла въ другой иностранной головѣ. Въ 1768 г. желаніе имѣть исторію русской церкви печатно выразилъ извѣстный *Августъ Шлецеръ*²⁾. Его пожеланіе не осталось теперь безъ отклика. Екатерининское время было уже благопріятнымъ для развитія русской исторіи. вмѣстѣ съ славой русскаго оружія замѣтно поднялось въ образованныхъ кругахъ и національное самосознаніе. Наравнѣ съ крайнимъ

¹⁾ Если не стѣснять себя предѣлами собственно русской науки, то начало трудовъ, подобныхъ Селліеву, можно относить и къ болѣе раннему времени. Съ появленіемъ уніи въ юго-западной Руси, польско-уніатская литература впервые начала ашеллировать во свидѣтельство своей правоты къ русской церковной исторіи. Въ сочиненіи *Льва Кривзы „Оборона Уніи“* (Вильна, 1617 г. и „Русс. Истор. Библ.“, т. IV) былъ напечатанъ біографическій каталогъ кievскихъ митрополитовъ отъ Михаила до Ипатія Потѣя съ тенденціей доказать ихъ всегдашнее единеніе съ римской кафедрой. Въ отвѣтъ на это *Захарія Копыстенскій* въ своей Палинодіи (1621—22 г.) далъ такой же каталогъ съ противоположнымъ освѣщеніемъ, при чемъ былъ болѣе пространнымъ въ изложеніи церковныхъ событій. Этотъ послѣдній каталогъ послужилъ затѣмъ основой для такихъ же работъ *Сильвестра Коссова* (въ прилож. къ „Патерикову“. Кіевъ, 1635 г.) и *Св. Дмитрія Ростовскаго* (изд. въ „Любопытномъ Мѣсяцесловѣ“ на 1776 г. Св. Дмитрію приписываютъ и такъ наз. „Московский каталогъ“, оканчивающійся патриархомъ Іоакимомъ; есть въ рукописи Спб. Дух. Ак. № 251). Л. Кривза также имѣлъ своихъ продолжателей уже въ позднѣйшее время. *Кульчинскій* въ книгѣ подъ заглавіемъ „Specimen ecclesiae ruthenicae etc.“ (Romae, 1733) излагаетъ свѣдѣнія о кievскихъ митрополитахъ и о русскихъ святыхъ съ той же грубо тенденціозной точки зрѣнія, какъ и Л. Кривза. Таковы же *Ходыкевича Dissertationes historico-criticae de utroque archiepiscopatu metropolitano Kijoviensi et Haliciensi*. 1770.

²⁾ „Wann wird ein Mann aufstehen, der seinem und allem gelehrten Volke eine russische Kirchengeschichte liefert?“ Для перваго раза, впрочемъ, намѣчался скромный идеалъ—видѣть хотя бы іерархическо-хронологическій каталогъ: „wäre es auch, für's erste, nur eine richtige chronologische Angabe, wann jedes Bisthum gestiftet worden, sammt den Namen und der Folge aller Bischöfe auf einander: auch trockene Register würde: schon ...vom Werthe seyn“. *Probe russischer Annalen*. S. 106.

увлеченіемъ философіей du bon sens въ обществѣ появляются и противники галломаніи, націоналисты-«стародумы». Интересъ къ родной старинѣ быстро возрастаетъ. Издаются цѣлый рядъ исторій (въ томъ числѣ и татищевская), лѣтописей, документовъ. Въ это время и вниманію духовныхъ писателей открывається новый предметъ: исторія русской церкви. Мысль о ней носится, такъ сказать, въ воздухѣ. Ею занимается московскій архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, перешедшій, еще въ бытность свою префектомъ Александро-невской семинаріи, по смерти А. Селія часть его рукописей. Но историческія записки Амвросія были уничтожены невѣжественной чернью вслѣдъ за его трагической кончиной во время чумы 1771 г. Въ то же время протоіерей московскаго Архангельскаго собора *Петръ Алексѣевъ* († 1801 г.) составилъ даже цѣльное «*Начертаніе исторіи греко-россійской церкви*», въ 5-ти частяхъ, отъ Р. X. до времени Екатерины II; оно однако и доселѣ не увидѣло свѣта ¹⁾.

На счастье нашей науки на неё въ это время обратить свое просвѣщенное вниманіе московскій митрополитъ *Платонъ*. Сначала онъ заинтересовался исторіей вообще. Еще будучи архимандритомъ Троицкой лавры (съ 1766 г.), онъ приказалъ начальству лаврской семинаріи учредить отдѣльный классъ исторіи, за постановкой котораго не переставалъ внимательно наблюдать и по переходѣ своемъ на митрополитскую кафедру, предписывая выдѣлять церковную исторію въ особый предметъ преподаванія для богословскаго класса. Между тѣмъ, благодаря сближенію съ московскимъ университетомъ и новиковскимъ обществомъ, м. Платонъ занялся преимущественно отечественной исторіей и рѣшилъ написать учебное руководство по исторіи русской церкви. Въ 1805 г. онъ закончилъ и издалъ «*Краткую россійскую церковную исторію*», въ двухъ томахъ, счастливо начиная ею рядъ систематическихъ работъ по нашей наукѣ ²⁾,

¹⁾ Напечатаны только небольшія выписки въ Русс. Архивъ за 1865 г.

²⁾ Такія работы затѣмъ надолго становятся какъ бы привилегіей іерархическихъ лицъ (Платонъ, Иннокентій, Евгеній, Филаретъ, Макарій). Объясняется это отчасти исторіей ученаго монашества, въ ряды котораго прежде вступалъ цвѣтъ духовно-академической молодежи, и которое замѣтно полагало честь своего званія и въ разработкѣ науки; отчасти—цензурными условіями стараго времени, благодаря которымъ писать исторію своей церкви—предметъ столь недалекій отъ живой дѣйствительности—было не всегда легко даже подъ прикрытіемъ іерархическаго авторитета.

хотя, строго говоря, произведение м. Платона еще не заслуживаетъ названія системы. Оно располагаетъ историческіе факты по примитивному плану древнихъ лѣтописцевъ въ одномъ безразличномъ хронологическомъ рядѣ, подраздѣляя ихъ на многочисленныя главы, ничѣмъ внутренно не обусловленныя. Извѣстность строгій, хотя, быть можетъ, небезпристрастный, отзывъ объ этой исторіи восходящаго тогда свѣтила на горизонтѣ русской науки, старорусскаго викарія Евгенія Болховитинова. «Небезпристрастный», говоримъ мы, потому что Евгенийъ считалъ предъ этимъ Платона своимъ безнадежнымъ соперникомъ по части написанія исторіи русской церкви, какъ видно изъ его письма къ пріятелю отъ 1804 г.: «Платонъ поѣхалъ въ Кіевъ за собираніемъ матеріаловъ для російской церковной исторіи, которой онъ во весь вѣкъ свой не напишетъ, хотя лѣтъ 20 уже собирается. Да и писать сѣлъ только въ прошломъ сентябрѣ, увидѣвши мою диссертацию о соборахъ, какъ сказывалъ мнѣ московскій преосвященный викарій. Онъ боится, чтобы кто другой не предупредилъ его и не постыдилъ въ давнемъ обѣщаніи, повсюду разславленномъ, что онъ сочиняетъ російскую церковную исторію». По выходѣ въ свѣтъ такъ неожиданно быстро написанной исторіи, Евгенийъ и пишетъ о ней въ одномъ дружескомъ письмѣ (8 апрѣля, 1806 г.): «о нововышедшей нашей церковной исторіи скажу вамъ. 1) что это отнюдь не исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка написаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи и сайки и бублики. Исторія должна быть въ системѣ, т. е. въ раздѣленіи на періоды, эпохи, и въ подборѣ единообразныхъ матерій по статьямъ, или главамъ, а тутъ, хотя видишь главы, но не найдешь причины, почему та или другая глава начинается на этой, а не на другой страницѣ. Итакъ раздѣленія ея отнюдь не есть раздѣленія исторіи. 2) Много находится парадоксовъ... 3) Много также тутъ, съ одной стороны хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія». По всеѣмъ этимъ причинамъ, «а особливо по первой», пресосв. Евгенийъ признавалъ «лѣтопись сію, какъ сбивчивую», непригодной для преподаванія въ классѣ и кромѣ того укорялъ её въ весьма ощутительномъ недостаткѣ: отсутствіи ссылокъ на источники. Впрочемъ, къ концу письма критикъ желаетъ, чтобы мнѣніе его осталось «подъ завѣсою скромности. Ибо совѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца. Будемъ думать для себя, а не для другихъ, которые можетъ быть еще лучше насъ оцѣнятъ

сіе произведеніе». Онъ не ошибся. Стоя не на формальной только точкѣ зрѣнія, въ трудѣ м. Платона можно указать не мало достоинствъ и даже значительныхъ. Прежде всего, — весьма замѣтную критичность въ отношеніи къ содержанию и качеству своихъ источниковъ. Такъ, онъ подозрительно относится къ сказанію о проповѣди ап. Андрея на Руси (изд. 1805 г., т. I, стр. 12—13), отчасти къ повѣсти о крещеніи князя Владиміра (I, 22, 27), къ соборному дѣянію на еретика Мартина (I, 90). Качество «Степенныхъ книгъ» м. Платонъ не признаетъ настолько надежнымъ, чтобы не требовалось отъ историка осмотрительности при пользованіи ими (II, 53—54). Особенно слѣдуетъ отмѣтить у автора «Краткой рос. церк. исторіи» даръ историческаго прозрѣнія, способность схватывать причинный смыслъ давно миновавшихъ событій. Нѣкоторыя догадки м. Платона раскрыты впоследствии и удержаны наукой до настоящаго времени. Таковы его мнѣнія: объ отсутствіи храмовъ и жрецовъ у древне-русскихъ язычниковъ (I, 7), о причинахъ вѣроотершимости монголовъ (I, 136—37), о происхожденіи Лжедмитрія I (II, 167). Очень мѣткіи и вѣрны его сужденія о причинахъ раздѣленія русской митрополіи (I, 277—79), или, напримѣръ, о значеніи власти русскихъ патріарховъ по сравненію съ митрополитами, ихъ предшественниками (II, 100—101). Наконецъ, безспорно, къ достоинствамъ труда м. Платона относится еще одна, характерная для него черта. Маститый авторъ всюду слѣдуетъ выраженному имъ въ предисловіи убѣжденію, что «первое любезное и привлекательное исторіи свойство есть истина и безпристрастіе». Поэтому, вопреки отрицательнымъ взглядамъ вольнодумныхъ историковъ XVIII в. на прошлое нашей церкви, онъ «не можетъ себя воздержать, чтобъ російскому духовенству не дать похвальнаго и справедливаго свидѣтельства», что онъ съ любовью и выполняетъ на протяженіи всей своей исторіи. Но не закрываетъ глазъ и на темныя явленія и даже выставляетъ ихъ со всею рѣзкостью и въ жизни общества (I, 126—27), и духовенства (I, 101, 127) и монашества (I, 61—62). Часто м. Платонъ высказываетъ и свои личныя мнѣнія по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ, чѣмъ сообщаетъ много живости и публицистическаго интереса своему повѣствованію. Сужденія его возвышенны, гуманны (I, 28, 117, 194, 233—34, 342) и смѣлы (I, 15; II, 234—35, 275). Постѣ всего этого неудивительно, если проф. Знаменскій характеризуетъ исторію Платона, какъ «трудъ рѣдкій по талантности,

полный обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики», а еще ранѣе его С. М. Соловьевъ выражается о ней такъ: хотя м. Платонъ «занился своимъ трудомъ въ преклонной старости, 68 лѣтъ, но запечатлѣть свое сочиненіе печатію могучаго, юнаго таланта».

Въ порядкѣ хронологической постепенности мы должны были бы говорить о церковной исторіи преосв. Иннокентія, но въ историческомъ обзорѣ систематическихъ работъ по исторіи русской церкви было бы несправедливо, въ угоду только единству темы, не упомянуть о трудахъ кievскаго митрополита *Евгенія Болховитинова* (1767—1837 г.), такъ мною содѣйствовавшихъ успѣху нашей науки именно въ первое время ея развитія, хотя они и не представляютъ собою цѣльной церковно-исторической системы. Евонмій (первое имя Евгенія) Болховитиновъ предался исторической наукѣ еще со школьной скамьи. Посланный въ 1785 г., въ качествѣ лучшаго воспитанника Воронежской семинаріи, въ Московскую академію, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими студентами, по желанію м. Платона, посѣщаль и Московскій университетъ, чрезъ который вскорѣ сдѣлался членомъ новиковскаго товарищескаго кружка. Отсюда его симпатіи къ русской литературѣ и исторіи. По возвращеніи въ родную семинарію, Евонмій Б. преподаетъ тамъ русскую исторію и занимается разработкой мѣстной старины. Въ 1800 г., уже вдовымъ протоіереемъ, онъ является въ Петербургъ, неожиданно для себя (и не охотно) принимаетъ монашество, дѣлается префектомъ Александровской академіи и вскорѣ преподаетъ здѣсь церковную исторію, привлекая студентовъ къ разработкѣ преимущественно русской церковной исторіи, какъ видно изъ ряда напечатанныхъ тогда же диссертаций. И впоследствии, на всѣхъ мѣстахъ своей епархіальной дѣятельности— въ Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ и Кіевѣ онъ является неутомимымъ собирателемъ всевозможныхъ матеріаловъ для мѣстной, главнымъ образомъ церковной, исторіи. Рядомъ учено-историческихъ работъ ознаменовывалъ онъ каждое свое мѣсто-пребываніе, безкорыстно оставляя иногда систематически собранный матеріалъ въ распоряженіе будущихъ работниковъ науки (какъ напр. въ Воронежѣ и Вологдѣ). Въ своей ученой дѣятельности м. Евгеній является характернымъ выразителемъ убѣжденія тогдашняго мецената исторической науки, гр. Н. П. Румянцова, къ приспомятому кружку котораго принадлежалъ нашъ іерархъ, что еще не время было писать нашу исторію, пока

не собраны и не приведены въ извѣстность едва тронутыи тогда (въ нач. XIX в.) многочисленныя матеріалы библиотекъ и архивовъ. Поэтому все труды Евгенія по исторіи русской церкви замечательны характеромъ того іерархическаго направленія, отдаленное начало которому было положено еще З. Копыстенскимъ и затѣмъ А. Селдіемъ; все они сводятся къ тому, чтобы завершить наконецъ подготовительную, черновую работу для написанія русской церковной исторіи: создать «*исторію російской іерархіи*», этотъ «комнасъ историческій», по выраженію Шлецера. Съ этого центрального труда, посвящаго именно такое названіе, и начинается рядъ крупнѣйшихъ работъ ученаго іерарха по исторіи русской церкви, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ, не упоминая о многочисленныхъ его произведеніяхъ меньшаго значенія и объема, или чисто историко-литературнаго содержанія. «Исторія російской іерархіи» задумана и пачата Евгеніемъ еще въ петербургскіе годы (1800—1804). Но широта намѣченной программы и сложность занятій по должности викарія старорусскаго (1804—1805 г.) заставили его, по переѣздѣ въ Новгородъ, поискать себѣ здѣсь помощника для этой работы. Таковымъ оказался энергичный префектъ Новгородской семинаріи, іером. Амвросій Орнатскій, впоследствии (съ 1819 г.) грозный епископъ пензенскій. Его имя стоитъ и въ заглавіи сочиненія, какъ имя автора. Но, какъ по собственному признанію Евгенія («Др. и Нов. Росс.» 1880 г., т. XVIII, стр. 355), такъ и по заключеніямъ спеціальнаго изслѣдователя его трудовъ (*Полемика*, стр. 82—86), ему (Евгенію) принадлежить половина труда и даже болѣе, если не забывать пѣну инициативы и общей редакціи. «Исторія російской іерархіи», изданная (М. 1807—1815 г.) въ шести томахъ и семи книгахъ (VI-й томъ составляютъ двѣ книги), распадается на двѣ неравныя части. *Первая* вся вмѣщается въ первомъ томѣ и содержитъ въ собственномъ смыслѣ историко-іерархическія свѣдѣнія (о енархіяхъ, епископахъ, митрополитахъ, патріархахъ, Св. Синодѣ) и кромѣ того—о соборахъ, о святыхъ и духовныхъ школахъ. *Вторая* часть заполняетъ собою остальные томы и содержитъ сначала общее введеніе въ исторію русскихъ монастырей, а затѣмъ частныя свѣдѣнія о нихъ по алфавитному порядку. Такимъ образомъ «Ист. рос. іер.» даетъ даже болѣе, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Это разнообразіе предметовъ содержанія «Ист. рос. іер.» объясняется ея происхожденіемъ изъ вышеупомянутаго труда Никодима Селдія, переводъ котораго, съ

солидными поправками и дополненіями, она представляетъ, какъ видно изъ многихъ писемъ м. Евгенія и изъ заглавія рукописнаго ея оригинала. Последний сохранился среди рукописей московской синодальной типографіи (№ 405), гдѣ въ свое время печаталась «Ист. рос. іер.»; его заглавіе такое: «Опытъ новѣствованія о рос. іерархіи, сочиненный на латин. яз. Н. Селліемъ, монахомъ Ал.-нев. монастыря, а нынѣ съ подлинной рукописи переведенный, справленный съ лѣтописями и др. рукописями, расположенный по нынѣшнему порядку іерархіи рос., во многомъ дополненный и доведенный до настоящаго времени». Богатое содержаніе этого творенія, въ свое время имѣвшаго громадное значеніе въ нашей наукѣ, еще и доселѣ не исчерпано вполне новѣйшими изданіями и литературой по предмету русской церковной исторіи.

Другой, замѣчательный для насъ по богатству и важности своего содержанія, трудъ м. Евгенія—его «*Описаніе Кіево-софійскаго собора и исторія кіевской іерархіи*» (Кіевъ. 1825 г.). Здѣсь ученая исторія Софійскаго собора предваряется двумя этюдами изъ начальной исторіи христіанства на Руси, а за ними слѣдуетъ рядъ обстоятельныхъ біографій всѣхъ кіевскихъ митрополитовъ съ широкимъ изложеніемъ современныхъ имъ церковныхъ событій, такъ что въ результатѣ получается какъ бы цѣльный историческій очеркъ жизни русской церкви въ древній періодъ и—западно-русской церкви до послѣдняго времени. Вторая половина книги занята «прибавленіемъ» или текстомъ множества документовъ, относящихся къ ея предмету и въ большинствѣ впервые обнаруженныхъ авторомъ. Какъ бы дополненіемъ къ «Исторіи кіевской іерархіи» служить вслѣдъ за нею вышедшее въ 1826 г. историческое «Описаніе Кіево-печерской лавры» также «съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ объясняющихъ оное».

Славу м. Евгенія въ исторіи русской литературы составляютъ два его словаря: «*Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви*» (т. I—II, Спб. 1818 г. и изд. 2-е, исправл. и умнож. Спб. 1827 г.) и «*Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи*» (т. I—II, М. 1845 г.). Для насъ интересенъ, конечно, первый изъ нихъ, но многимъ пунктамъ навсегда остающійся первоисточникомъ для біографическихъ и историко-литературныхъ справокъ о дѣятеляхъ русской церкви, древнихъ и новыхъ.

Оставивъ намъ столь обширное учебное наслѣдіе, м. Евгеній, однако, всю жизнь не собрался написать цѣльнаго очерка исторіи русской церкви. Его *«Исторія славено-русской церкви отъ начала оныя до нашихъ временъ»* доведена только до конца XI в. и въ печати не появлялась (хранится въ Кіево-соф. соборной библ., № 158; 1-я часть, введеніе, есть и въ библ. Спб. дух. ак. ркп. № 254). Объясняли это явленіе складомъ ума м. Евгенія, «ума регистратурнаго», по выраженію преосв. Иннокентія (Борисова). «Это былъ одинъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда-либо существовали, говорилъ о Евгеніѣ М. П. Погодинъ, это былъ русскій Миллеръ ... Это былъ какой-то статистикъ исторіи. Онъ, кажется, даже не жалѣлъ, если гдѣ чего ему не доставало въ исторіи; для него было это какъ будто все равно. Что есть — хорошо, а чего нѣтъ, печего о томъ и думать. Никакихъ разсужденій, заключеній». А крѣпкій на-слово архіен. Филаретъ въ «Обз. рус. дух. лит.» прямо отрицаетъ у Евгенія способность «систематическаго взгляда на явленія исторіи» и кончаетъ свою характеристику его работъ слѣдующимъ образомъ: «въ м. Евгеніи, сколько изумляетъ собою обширность свѣдѣній его, столько-же поражаетъ бездѣйствіе размышляющей силы, часто и рѣзко высказывающееся».

Второй, послѣ труда м. Платона, обобщительной работой по исторіи русской церкви можетъ считаться *«Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в.»* (отд. I—II, Спб. 1817 г.) *Иннокентія (Смирнова)*, скончавшагося въ санѣ еп. пензенскаго († 1819 г.). «Начертаніе» представляетъ собою результатъ его преподавательскихъ чтеній 1-му курсу Спб. духовной академіи (1812—1814 г.), когда русская церковная исторія излагалась совмѣстно съ общей; поэтому до нея очередь доходить здѣсь только во 2-мъ отдѣленіи или томѣ. Въ этомъ произведеніи мы видимъ уже попытку вывести матеріалъ нашей науки изъ сырого состоянія летописнаго распорядка, отыскать въ изучаемыхъ фактахъ общій смыслъ и, сообразно съ этимъ, установить связь между событіями. Но хорошо усвоенные ученымъ авторомъ схоластическіе приемы писанія сослужили ему въ данномъ случаѣ плохую службу. Начертаніе вышло прекраснымъ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать исторію. Его дѣленія и группировка фактовъ представляютъ какую-то безжалостную вивисекцію живыхъ и цѣльныхъ явленій исторіи. Прежде всего, авторъ усвоилъ дур-

ной примѣръ западныхъ историковъ эпохи всевозможныхъ Origines и Antiquitates—излагать исторію по отдѣльнымъ вѣкамъ съ якобы особой, индивидуальной ихъ характеристикой, на самомъ дѣлѣ до курьезности внѣшней и искусственной ¹⁾). Но еще большую искусственность и дробность онъ ввелъ въ распредѣленіе матеріаловъ по строгооднобразнымъ для каждаго вѣка предметнымъ рубрикамъ. Здѣсь окончательно ставится крестъ надъ внутреннимъ единствомъ отдѣльныхъ событій съ одной стороны, и надъ ихъ качественнымъ разнообразіемъ съ другой. Анатомическій ножъ схоластики дѣлитъ цѣлостные факты на мелкія частицы, которыя затѣмъ и собираются въ самые неожиданные по нестротѣ и разнородности составныхъ элементовъ букеты подъ заголовками: «Пособія успѣхамъ церкви», «Содѣйствіе Промысла», «Бѣдствія церкви», «Состояніе ученія», «Ученіе», «Іерархія», «Достопамятныя лица», «Ереси и расколы». Что изъ этого получается, можно прослѣдить хотя бы на примѣрѣ XVII вѣка. Въ отдѣлѣ «Что способствовало успѣхамъ рос. церкви» (гл. I), безъ слова о смутномъ времени, прямо сообщается о прогнаціи изъ Москвы поляковъ усиліями Минина, Пожарскаго, патріарховъ Гермогена, Филарета и Троицкихъ героевъ, и только непосредственно слѣдующій затѣмъ абзацъ «О путяхъ Промысла», наперекоръ естественному порядку событій, кратко сообщаетъ о появленіи перваго самозванца. Далѣе, глава (II) о «бѣдствіяхъ церкви» говоритъ о самозванцахъ—же подробнѣе, но въ особой опять рубрикѣ—о «Преданіи Москвы полякамъ», хотя ранѣе уже былъ рассказъ объ освобожденіи Москвы. Въ главѣ (III) о «состояніи ученія» отдѣльный § трактуетъ «Объ исправленіи книгъ», но въ слѣдующей главѣ (IV) «О богослуженіи» рѣчь неизбежно сводится къ тому же. Въ дальнѣйшей главѣ (V) «Объ іерархіи» опять выступаетъ на сцену исторія книжныхъ исправленій. Кажется довольно повтореній и непослѣдователь-

¹⁾ Напримѣръ: „въжъ четвертый-надесять, на Западѣ ослабѣвающій во власти, богатый нищетствующими (mendicantibus) и виклефитскій; на Востокъ колеблемый латинянами и магометанами; на Сѣверѣ возмогающій къ низложенію татарскаго ига; въжъ пятый-надесять, предприимчивый, на Западѣ соборный и гусситскій, на Востокъ порабощаемый турками, въ Россіи освобождающійся отъ татарскаго порабоженія; въжъ седьмой-надесять, на Западѣ покоряющійся разуму вмѣсто откровенія, квакерскій и піетистскій; на Сѣверѣ борющійся съ самозванцами и раскольниками, но и укрѣпляющійся во внѣшнемъ благоденствіи“ и т. п.

постей. Всетаки авторъ въ главѣ (VI) о «Достопамятныхъ лицахъ» еще разъ преподноситъ намъ запоздалыя свѣдѣнія о патріархахъ Гермогенѣ, Филаретѣ, Никонѣ и ихъ заслугахъ. Десять разъ заводя рѣчь о книжныхъ исправленіяхъ, онъ, однако, ухитрился сохрानить исторію происхожденія раскола до послѣдней (VII) главы своего повѣствованія. И такъ повсюду: «ученіе» и «ереси» раздѣляются, а благочестивые князья, примѣрные пастыри, затмѣнія и землетрясенія соединяются вмѣстѣ подъ именемъ «пособій церкви», т. е. раздѣляется нераздѣлимое и совмѣщается несомвѣстимое.

Не украшается описанный трудъ и критичностью въ отношеніи къ своимъ источникамъ, свѣдѣтельствомъ чего являются, напр., обильныя заимствованія изъ Стенной книги и Никоновской лѣтописи, репутація которыхъ и тогда уже стояла довольно невысоко. Оттого можно встрѣтить въ книгѣ не мало фактовъ сомнительныхъ и невѣроятныхъ. Внутренняя исторія церкви здѣсь почти совсѣмъ отсутствуетъ. Слогъ книги крайне сжатый, темный, отмѣнно тяжелый.

Можетъ быть нѣкоторыя свойства «Начертанія» опредѣлились указаніями сверху. Комиссіей духовныхъ училищъ въ то время изданы были въ руководство академическимъ преподавателямъ правила, которыми вмѣнялось въ обязанность не допускать при изложеніи исторіи: «а) усиленнаго критицизма, который оружіемъ односторонней логики покушается разрушить историческіе памятники, б) произвольнаго систематизма, который воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ какой-нибудь роковой для него идеи и с) неосмотрительнаго политическаго направленія. Излагая событія просто, кратко, вѣрно, съ чистыми первоначальными источниками свѣдѣній, преподаватель долженъ обращать особенное вниманіе въ исторіи на черты нравственныя, на слѣды Провидѣнія Божія въ происшествіяхъ общественныхъ и приключеніяхъ частныхъ, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благоденствія, или, напротивъ, нравственнаго поврежденія и упадка благосостоянія». Въ параллель съ этимъ шла и строгость цензуры, на которую такъ часто жаловался м. Евгеній при выпускѣ своихъ безобидныхъ историческихъ работъ.

Мы нѣсколько подробно остановились на характеристикѣ «Начертанія», игравшаго слишкомъ небольшую роль въ развитіи нашей науки, потому, что оно имѣло свою продолжитель-

ную исторію въ духовной школѣ, такъ какъ до 60-хъ годовъ было обязательной классической книгой въ семинаріяхъ и долгое время (до 40-хъ годовъ) связывало руки и академическимъ наставникамъ.

Слѣдующая по времени печатная система исторіи русской церкви, доведенная до учрежденія въ Россіи патріаршества, принадлежитъ перу иѣмецкаго профессора *Филиппа Штрала*, долго жившаго въ Россіи, откуда онъ уѣхалъ послѣ 1812 года. Откликаясь на призывъ Шлецера, онъ издалъ въ Галле въ 1827 году «*Beiträge zur russischen Kirchengeschichte*», гдѣ систематически собралъ и обозрѣлъ славяно-русскіе источники для русской церковной исторіи, сдѣлалъ хронологическій перечень событій ея до 1825 года включительно, изложилъ исторію русскихъ лжеученій и сектъ и далъ хронологическую таблицу русскихъ митрополитовъ и патріарховъ параллельно съ князьями и царями. Въ 1830 г., въ Галле же, вышла его «*Geschichte der russischen Kirche*», I-er Theil. Въ перечнѣ литературы предмета, данномъ въ предисловіи, авторъ указываетъ очень много иностранныхъ сочиненій о Россіи, по изъ содержанія его книги открывается, что онъ полною рукой черпалъ главнымъ образомъ изъ русскихъ лѣтописей и историковъ—Амвросія (Ист. рос. іер.), Татищева, Щербатова, Карамзина. Последнимъ двумъ онъ всецѣло подчиняется и въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ на развитіе русской исторіи. У Шлецера Штраль заимствуетъ взглядъ на достоинство кіевскаго лѣтописнаго свода, каждую строку котораго онъ приписываетъ Нестору и принимаетъ съ благоговѣніемъ, постоянно титулуя лѣтописца «*ehrwürdige Nestor*». Свой рассказъ проф. Штраль, подобно митрополиту Платону, ведетъ по княженіямъ и царствованіямъ русскихъ государей, такъ что въ трудахъ этихъ двухъ ученыхъ исторія русской церкви находится какъ бы только еще въ процессѣ своего выдѣленія изъ области исторіи гражданской. Но принципъ дѣленія на періоды у Штраля іерархическій. Поэтому онъ время отъ 988 по 1588 г. считаетъ за одинъ періодъ жизни русской церкви, когда глава—митрополитъ находился въ зависимости отъ КП. патріарха; отъ 1588 до 1702 г.—второй періодъ, независимости; отъ 1702 до 1721 г.—третій и отъ 1721—четвертый. Излагая главную нить церковныхъ событій хронологически, онъ въ послѣдующихъ болѣе краткихъ отдѣлахъ обозрѣваетъ уже по предметной системѣ: каноническія права и взаимоотношенія духов-

ныхъ лицъ (II Abschnitt), имущественное положеніе церкви (III), церковное право и дисциплину (IV), церковное вѣроученіе (V) и монастыри (VI). Въ этомъ произведеніи нѣмецкаго католика обращаетъ на себя вниманіе примѣрное безпристрастіе въ передачѣ и освѣщеніи фактовъ исторіи чуждой ему церкви; здѣсь выдержаны даже іератическій тонъ нашихъ древнихъ источниковъ. При этомъ качествѣ, въ связи съ обстоятельностью изложенія и наличиемъ научнаго аппарата, трудъ Штраля былъ несомнѣнно полезнымъ пособіемъ для его русскихъ продолжателей, хотя ближайшій изъ нихъ, архіеп. Филаретъ не цитируетъ его въ своей «Исторіи».

У Филарета, впрочемъ, былъ еще одинъ незначительный предшественникъ. Въ 1838 г. издалъ свою обширную «Исторію российской церкви» (Сиб.), доведенную до учрежденія Св. Синода, извѣстный и другими своими работами по духовной литературѣ А. Н. Муравьевъ. Прославленный стилистъ въ карамзинскомъ духѣ, авторъ этимъ только проигрываетъ въ нашихъ глазахъ, потому что приподнятый, панегирический тонъ его рѣчей лишь усугубляетъ его грѣхъ противъ указанного еще м. Платономъ «любезнаго и привлекательнаго исторіи свойства — истины и безпристрастія». Изложенная въ первобытномъ хронологическомъ порядкѣ, приспособительно къ предмету русскихъ митрополитовъ и патриарховъ, «Исторія» Муравьева ихъ біографіями почти и ограничивается, суживая такимъ образомъ содержаніе церковной исторіи до minimum'a. Между тѣмъ даже м. Платонъ въ свой хронологическій списокъ событій заноситъ часто факты, характерные и для внутреннихъ сторонъ церковной жизни. Слѣдовательно книжка Муравьева въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣлаетъ положительно шагъ назадъ даже по сравненію съ значительно старѣйшей ея «Исторіей» московскаго митрополита. Однако, благодаря стараніямъ автора, она переведена была на языки—англійскій (1842), нѣмецкій (1857), новогреческій (1857) и въ Россіи выдержала три изданія (1838, 1840 и 1845 гг.) *).

А. Карташовъ.

*) Окончаніе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки